

18+

Недосказанность

к «Разрешению на безумие»

Я стала той;
кто пишет.
Не профессором,
не женой таковника,
не москвичкой.
Той, кто умеет
ждать, терять,
отпускать —
и записывать.

Елена Ши

Елена Ши

Недосказанность.

К «Разрешению на безумие»

<https://litres.ru/74544163>

ISBN 9785007135610

Аннотация

Это не повесть и не рассказ. Это — то, что осталось за страницами.

Комната, в которой всегда пахло дождём. Перрон в конце апреля. Письма, порванные и отпущенные по ветру. И — точка.

Это — исповедь. В прозе. В стихах. В молчании. В той самой «толстухе». В той самой жизни, которая — сложилась. Не так, как мечталось. Но — так, как надо.

Читайте. Если — свои.

Содержание

Пролог	7
Отпустила журавля — нашла слова	8
Канувший в ночи	10
Кем бы я стала, если бы не он	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Недосказанность К «Разрешению на безумие»

Елена Ши

Иллюстратор Елена Валерьевна Шакирова

© Елена Ши, 2026

© Елена Валерьевна Шакирова, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-3561-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Журавля не удержать. Синицу — не отпустить. А точку
— поставить. Тёплую. Свою. Наконец-то»

Елена Ши

Пролог

Я привыкла говорить правду. Всю жизнь. В стихах — правду. В прозе — правду. В «Разрешении на безумие» — правду. Но была одна правда, которую я не могла сказать. Не потому, что боялась. Не потому, что стыдно. А потому, что — не могла. Слова не шли. Горло сжималось. Рука не поднималась.

Это — про него. Про того, с кем я стояла на перроне. Про того, кто называл меня «мадмуазель». Про того, кто читал мою тетрадь, пуская клубы дыма, и говорил: «Не от мира сего ты, Ленчик». Про того, кого я отпустила — и не смогла забыть. Почти сорок лет.

В «Разрешении на безумие» этого нет. Потому что — не могла. Тогда. А теперь — могу. Потому что — время. Потому что — точка. Потому что — вы. Те, кто — свои.

Это — недосказанность. То, что осталось за страницами. То, что я прятала. То, что — теперь — говорю.

Читайте. Если — свои.

Отпустила журавля — нашла слова

Она часто думала: а если бы не было журавлей в небе — была бы она той самой Еленой Ши? Если бы не тянулась к чему-то далёкому, не стояла на стылом перроне, не держала в руках тень, которую невозможно удержать... Может, жизнь была бы ровнее, спокойнее, без этой острой памяти, которая потом прорастает строками. Но тогда не было бы и голоса — того самого, узнаваемого, где в одной фразе умещается и боль, и тишина, и уральская твёрдость.

Журавля она отпустила. Не потому, что разлюбила небо, а потому что поняла: небо не принадлежит никому. Оно только даёт свет, чтобы разглядеть то, что рядом. А рядом была синица — тёплая, настоящая, живая. Муж, который не спрашивал «о чём ты думаешь», а просто ставил рядом чашку с чаем. Сын, уже взрослый, уже сам отец, но всё ещё чуть наклонял голову, будто хотел услышать её голос чуть яснее, чем все остальные. И в этом не было никакого подвига — только дом, который держится на маленьких, но очень надёжных вещах.

Именно из этих «не-выборов» и рождался её путь. Не из громких решений, а из тихих: «я останусь», «я подожду», «я не стану тянуть то, что должно уйти». Из умения стоять

под дождём и не прятаться. Из права быть не только той, что смотрит вверх, но и той, что греет руки на даче у печки, слушает, как сын смеётся, и замечает, как синица садится на край подоконника, будто говорит: «Я тут. Всё в порядке».

И когда потом, вечерами, она садилась за стол, включала лампу и начинала писать, строчки приходили не из красивой мечты, а из этой самой обыденности — из запаха хлеба, из скрипа половиц, из паузы между словами, когда муж смотрит на неё и улыбается без причины. И вдруг оказывалось, что именно эта тишина умеет звучать громче любого крика.

«Елена Ши» — это ведь не имя, придуманное для обложки. Это имя, собранное по кусочкам: из перрона, где она сказала «уходи», из кухни, где ей наливают чай, из окна, за которым падает снег или идёт дождь, и из синицы, которая каждый день прилетает, будто напоминает: ты здесь, ты настоящая, тебе есть о чём рассказать.

Иногда её спрашивали: «Как ты начинаешь новую вещь?» Она чуть улыбалась и отвечала: «С тишины. С того, что я не стала делать. С того, что отпустила. И с того, что осталось рядом». И в этой фразе было всё: и про журавля, которого не удержать, и про синицу, которую можно согреть в ладонях, и про голос, который рождается только там, где есть и боль, и покой, и право быть собой.

Канувший в ночи

Она ждала в тиши вокзала,
Где стынет свет и гаснет день.
Как журавля, она держала
Его — но отпустила тень.

Он был полковник, чин и выправка,
Чеканный шаг, прямой, как рельс.
Она ждала — строча записочки,
А он: — Прости, мадмуазель.

Перрон пустел. Часы стучали
В пустой груди, в немой тиши.
Она держала край печали —
И отпустила. Уходи.

Вагон уплыл в сырую бездну,
В туман, где сходятся пути.
Она ждала. И было поздно.
И не вернуть. И не спасти.

Теперь синица греет руки,

Поёт в избе, клюёт зерно.
А он — вдали, в холодной муке,
Где небо звёздами черно.

Она могла. Она не смела.
Она ждала — и упустила.
И эта боль — как стынь вокзала,
Как поезд, канувший в ночи.

Июнь 1990 Елена

Кем бы я стала, если бы не он

Когда «Разрешение на безумие» уже вышло — и в электронном виде, и в печатном, и продаётся на сайте, — я вдруг поняла, что осталась одна вещь, которую я так и не сказала. Недосказанность. Ответ на вопрос, который я задаю себе много лет: кем бы я стала, если бы не он?

Про Челябину, которую я не покорила. Про девичью тетрадку со стихами. Про письма, которые летели клочками по Комсомольскому проспекту. Про мужа, который лайкает мои посты, не читая. И про то, что настоящий ответ — не «кем бы я стала», а «кем я стала».

Этот вопрос я задаю себе много лет. И каждый раз ответ ускользает — как тот самый песок сквозь пальцы на карьерах челябинских пляжей, где мы с подружками бегали босиком в середине восьмидесятых.

Тогда я, девчонка с химозной «Авророй» — той самой, помните у Аллы Пугачёвой в начале восьмидесятых, — с огромным чемоданом, набитым мечтами и парой кофточек, выпорхнула из родительского гнезда в Златоусте, чтобы покорить Челябину. Большой город, как мне казалось, должен был меня встретить, раскрыть объятия. А я — впорхнуть в

них, как та самая девочка-мечтательница, которая видела себя в кинохронике, а не в бесконечных очередях за дефицитом.

Покорила? Шишек набила — да, не то слово.

Первая моя обитель — общежитие мединститута, где коридор пропах карболкой и чужими спорами, а в комнате на двоих, кроме меня, жила моя подруга ещё с медухи Ленка, работающая на кафедре микробиологии. Я — запоем перечитывала «Мастера и Маргариту», зажавшись в уголке с тетрадкой, куда записывала свои первые, ещё корявые, заметки и строчила стихи в свою «толстую». А по ночам, когда обща стихала, я слышала, как где-то за стенкой плачет девочка — так же, как буду плакать я через пару лет. Только я тогда ещё не знала об этом.

А потом случился опрометчивый «Флинт ушами» — так я называла своего первого мужа, за которого выскочила, не подумав, не разглядев, не почувствовав, что у него вместо сердца — барабанная палочка. Все подробности этого брака — в моей второй книге «Истории рождения». Но здесь скажу коротко: он был как вспышка, которая ослепила меня на время, а потом погасла, оставив только горький привкус и одну чёткую мысль — в общежитие я больше ни ногой.

После развода я сняла комнатуху в коммуналке на Комсомольском. Там тётя Зина, та самая, с борщом и наставлениями, научила меня главному правилу выживания: «Дорогая, в Челябине либо ты — паровоз, либо тебя переедут». Я смеялась, но запомнила.

Работала на кафедре фармакологии в мединституте под руководством В.И. — строгого, но справедливого профессора, с которым мы в бешеном ритме шли к завершению его докторской по иммунофармакологии. Я ставила опыты на мышатах, перебирала карточки, сводила протоколы в таблицы, спорила с аспирантами. А по вечерам, когда усталость была уже не в ногах, а в самом позвоночнике, шла в кафешку на Кировке. Там я подрабатывала официанткой — мизерной зарплаты на кафедре не хватало. А хозяйка комнатухи, грудастая и властная, каждый последний вторник месяца, ровно в 20.00, стояла на пороге: «Плати, дорогая, и никаких „завтра“». Ан нет — от ворот, как говорится. Я платила, затягивая пояс. А по вечерам писала в тетрадке-«толстушке» о том, как пахнет осень на Кировке, когда там зажигаются фонари. И как пахнет чужой успех, когда ты в этом городе — никто.

Кировка вечером пахла не только фонарями — она пахла чужой жизнью. Люди шли мимо, смеялись, куда-то спешили. А я стояла в фартуке, глядя в витражное окно, и думала.

ла: когда-нибудь и я буду идти вот так — не оглядываясь, не разнося горячее.

Для родителей я жила в общежитии. Иначе было нельзя — узнай они, что доча вольной жизни захотела, что с «первым встречным» тихо расписалась, а потом тихо развелась, что живу в коммуналке, а не в «приличной» комнате, — прибили бы. Мама до сих пор думала, что я — будущая образцовая студентка, которая по вечерам зубрит анатомию да химию, а не разносит по столам горячительное. Прописка оставалась за мной в общежитии, комната тоже, и я это использовала как щит. Да, оговорюсь, комната стояла пустой. Ну как пустой? Кроватки заправленные, плиточка «Мечта», барахлишко кое-какое, на случай, а случай бывает всякий. Ленка тоже съехала в общагу к будущему мужу, который, кстати, мужем так и не стал.

Вспоминаю, как-то мама без предупреждения нагрнула на ночь глядя. Ладно, с вахтёршей тётей Варей у меня была договорённость — если что, сигнал. Но мама прилетела на крыльях, на взводе, двенадцатый час ночи, а меня в общежитии нет. «Где шастаешь?» — кричит, а у меня сердце в пятки ушло. Кое-как отболталась, что была у подруги, что проспала, что утром рано вставать. Не знаю, поверила ли. Но с тех пор я стала осторожнее — мама была единственной, кто мог бы расколоть мою двойную жизнь, и я не могла себе

позволить даже трещины в этой стене.

Поклонники? Как без этого — работёнка в кафешке на Кировке не давала покоя ни мне, ни им. Молодые студенты, заезжие командированные, даже пара местных дельцов, которые заказывали коньяк и смотрели на меня как на десерт. Я отшучивалась, уворачивалась.

Но однажды появился он — Игорь. Появился и одним махом всех отшил, поставив на мне, как печать, — моё. Он был полковник, тридцать пять лет. Я думала, полковники — седовласые мужи, но он прошёл Афган, что позволило так быстро взметнуться по службе, а в придачу — жена и дочь, и обещания: «Разведусь, ты только подожди». Я ждала. Он говорил «Разведусь» так, как говорят «я вернусь» — с уверенностью, которая не требует доказательств. И я верила. Не ему — себе. Потому что мне тогда очень нужно было во что-то верить.

Провожала его на апрельском сыром перроне. Его переводили куда-то в Подмоскowie. Жена с дочерью уехали почему-то раньше — вроде как у неё там жили родители. А он стоял передо мной при параде и при орденах, смотрел в мои глаза, и сердце сжималось — я знала, что отпускаю. Отпустила.

Месяц слёз в подушку, которая пахла его «Мифом» и «Родопи», как бы я её ни заливала горячими. Выходила из коммуналки только на работы. Я не подходила к телефону и не реагировала, когда Зина колотила в дверь и орала: «Ленка, не дури, твой трубку оборвал!» Два письма от него так и не смогла прочесть — сунула под горемычную подушку, а перед отъездом порвала на мелкие-мелкие кусочки и долго наблюдала в распахнутое окно, как они разлетались с восьмого этажа по Комсомольскому проспекту. Письма летели медленно, неохотно, будто не хотели уходить. Я смотрела на них и думала: вот так и уходит любовь — клочками, по ветру, в чужой город, которого я больше не увижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.